

# Эдуард КУЗНЕЦОВ

Родился в 1941 году в Горьком. Окончил химический факультет Горьковского госуниверситета и более 40 лет проработал на Горьковском автомобильном заводе.

Крупнейший в России коллекционер пародий, эпиграмм, шаржей, исследователь сатирических жанров, автор 12 книг по этой тематике и более сотни статей. Лауреат премий имени Горького (2006, 2012) и «Бриллиантовый Дюк» (Одесса, 2013).

Живет в Нижнем Новгороде.

## ЯД И МЁД

### О критиках и литературных рецензиях

Рецензия – документ серьёзный. Он в корне способен изменить привычное течение жизни. Одним – придать новые силы и вдохновение для дальнейшей плодотворной работы, а других – ввергнуть в отчаяние и навсегда отвлечь от любых творческих занятий.

Правда, почти неизвестны случаи, когда рецензия превратила бы начинающего литератора в гения, а вот примеров драматических последствий после критических наскоков предостаточно. Н. Гоголь после публикации отдельным изданием «Ганца Кюхельгартена» был настолько впечатлён отрицательными отзывами в «Московском телеграфе» и «Северной пчеле», что выкупал у книгопродавцев экземпляры книги и уничтожал их. Н. Некрасов после критики В. Жуковского и В. Белинского его стихов скупил и уничтожил большую часть тиража сборника «Мечты и звуки». Таких примеров только в русской литературе предостаточно.

Понятно, что рецензия обладает огромной силой воздействия и может не только эффективно оценивать результаты конкретной работы (её достоинства и недостатки), но и формировать устойчивое общественное мнение по поводу тенденций литературного движения и значимости творческих процессов. Рецензия – подвижной жанр: она естественно вписывается и в критику, и в журналистику, может предстать репликой, аннотацией, статьёй, обзором, без особых затруднений способна контактировать с фельетоном, пародией, эпиграммой.

Будучи актуальной и востребованной, рецензия должна оперативно откликаться на появление новых произведений. Её ждут, на неё надеются, а иногда и страшатся. Положительные отзывы, как правило, встречаются по-деловому (они как бы в порядке вещей), а вот рецензии со знаком минус порождают целый ряд негативных эмоций. Тут и удивление, и протест, и даже ненависть. Разочарованный примитивностью

критиков, не способных за строчками стиха почувствовать подтекст, И. Северянин в сердцах восклицал:

Ах, посмотрите-ка!  
Какая глупая  
В России критика...\*

Как бы ни оценивались рецензии публикой и теми, на кого они направлены, остаётся неизменным: она часть рекламы, причём рекламы весьма действенной. Положительная – не только сообщает о появлении нового интересного произведения, но и рекомендует с ним более подробно ознакомиться. А отрицательная создаёт определённый флёр недосказанности (иногда двусмысленности) – неслучайно в былые годы существовало мнение: раз книгу разругали в официальных изданиях, значит, она чего-то стоит, надо прочитать. (А вот хвалёные издания читать было необязательно, несмотря на восхищённые рецензии.)

Как ходовой литературный жанр рецензия за многие годы существования успела обрести многочисленными шаблонами. Сатирики, склонные в первую очередь видеть недостатки, обращают основное внимание на те разделы рецензий, что обросли примелькавшимися повторениями, избитыми выражениями, предсказуемыми выводами и заключениями.

С иронией оценивая уровень стандартизированных отзывов, сатирики и пародисты берут на себя смелость создавать для якобы недостаточно опытных или только начинающих критиков руководства по написанию рецензий. А. Раскин и М. Слободской в руководстве «Как писать...» (для халтурщиков) в «отделе критики» приводят конкретные рекомендации:

В древности были известны два основных рода критических высказываний – положительный как таковой и отрицательный как таковой. Сейчас в связи с тем, что часть критиков не находит в себе душевных сил для того, чтобы иметь своё определённое мнение, эти основные виды уступили своё место третьему – неопределённому.

Способ 1: соглашаясь с положительной оценкой ряда авторитетных товарищей, не возражать против отрицательной оценки другого ряда не менее авторитетных товарищей.

Способ 2: чередование положительных и отрицательных замечаний, уравновешенных с точностью опытного аптекаря.

Способ 3: в основе цитата из Чехова: «Они хотят свою образованность показать и всегда говорят о непонятном».

Разумеется, авторами приводятся конкретные примеры по освоению каждого из названных способов.

А. Флит в дополнение к сказанному в разделе «Универсальный критик» продолжает:

Каждый, желающий написать развёрнутую критическую статью или отзыв, может сделать это, не теряя ни минуты драгоценного времени, пользуясь исключительно нашими общедоступными штампами «Универсальный критик». Следует только в соответствующих, отмеченных пунктиром местах проставлять издательство, фамилию автора, род, название произведения и некоторые детали.

---

\* Для усиления он повторил это в стихотворении дважды, во втором случае употребив вместо «глупая» «подлая».

Практически Флит рекомендует к широкому использованию стандартный трафарет с заранее заготовленными фразами.

Штамп 1 – сигнализирующий. Предостерегающий авторов от возможных пороков.

Штамп 2 – маневрирующий. Объединяющий положительные и отрицательные оценки.

Штамп 3 – равнодушный. И так и сяк. («Книга ничего не прибавляет и не убавляет в творческом багаже автора, в то же время оставаясь на уровне»).

Штамп 4 – восторженный. Сравнивающий с классиками.

Рекомендации сопровождаются примерами, способствующими, по мнению автора, предостеречь нарождающихся критиков от использования перечисленных штампов.

Если же приведенные рекомендации по каким-то причинам не смогли перекрыть дорогу неопытным ещё пока рецензентам, то им на помощь предлагаются правила по технологии создания критических статей. Опытные специалисты сразу же предупреждают, чтобы автор, взявшийся за написание рецензий, раз и навсегда уяснил для себя: что он собирается рецензировать. Как писал З. Паперный, если автор книги «выдающийся мастер», то критик должен рецензировать «не книги, но автора и занимаемое им положение». В этом случае «характер рецензии должен быть ясен ещё до того, как книга прочитана». Ну а остальных писателей (не мэтров) для самоутверждения критика можно рецензировать в соответствии с циничным мнением критика Безмылова из сценки А. Безыменского и Н. Адуева «Театральный разезд»:

С негодованием красивым  
Невинный прыщ малюй нарывом,  
Ошибку – язвой назови.  
Со всей серьёзностью угрюмой  
Вокруг уклона протанцуй.  
А если мал уклон – раздуй.  
А если нет его – придумай.

Чему же удивляться в тенденциозном расслоении критики? Об этом давно написано С. Швецовым в миниатюре «О критической каше»:

Всех удивляют обычаи странные,  
Дикие методы критики нашей:  
Одних она кормит кашею манною.  
Других – берёзовой кашей!

Частичное объяснение такому расслоению мнений прочитывается в эпиграмме А. Иванова на критика И. Гринберга:

Да, Гринберга никто не упрекнёт  
И с постамента никогда не свалит:  
Он молодого иногда ругнёт,  
А классика – прославит так прославит.

Некоторые критики считают, что чрезвычайная похвала в официальном источнике принесёт больше вреда, чем пользы. Тем более что многие поэты, не страдающие излишней скромностью, сами беспокоятся о своём публицити. Как писал в средние века француз М. де Сен-Желе:

Ты на меня, собрат, не сетуй:  
Тебя хвалить я был бы рад.  
Но сам ты лучше во сто крат  
Справляешься с задачей этой.

Эпиграмма была направлена против Пьера Ронсара, но сегодня может быть отнесена ко многим авторам, склонным к самовосхвалениям.

Заинтересованных лиц в появлении рецензий немало, но вот положительных отзывов на работу критиков – раз-два и обчёлся. Ну а те, кто настроен к рецензентам критически, оставляют о них отзывы весьма недоброжелательные. Вот только несколько мнений по поводу как самих критиков-рецензентов, так и методов их работы.

Е. Боратынский на В. Белинского:

В руках у этого педанта  
Могильный заступ, не перо...

П. Вяземский на Н. Добролюбова:

А если он и соловей,  
То разве соловей-разбойник.

Без подписи на А. Измайлова:

Он слыл за пугало в народе  
Всем декадентским воробьям  
В литературном огороде.

Современные оценки не слишком отличаются от тех, что были высказаны в веке XIX.

С. Васильев «Убивец»:

В статьях орудует ножом,  
В рецензиях – дубиной.

А. Безыменский:

На молодого автора нацелясь,  
Кладёт он в рот стальную челюсть.

А. Пьянов словами Т. Бек из пародии «Ответ критику»:

И критическим пером  
Машет словно топором.

А. Пьянов:

Что пора бы самописки  
Им сменить на кистени.

Л. Куклин на В. Топорова:

Тебя топорною работой  
Прикончит критик Топоров.

А. Житницкий:

Свою дубину и оглоблю  
Он на занозы расщепил.

Если попытаться провести хотя бы примитивный анализ тех терминов, которыми награждают рецензентов, то среди них можно обнаружить неожиданные – прокурор, судья, убийца, людоед, скорпион, пёс, шулер, пугало, а среди орудий их производства – нож, дубину, оглоблю, кинжал, кистень, занозу, дёготь, яд, помои, при этом методы их работы напоминают суд, бокс, казнь, ад и прочее – характеристики далеко не положительного ряда. Верно сказано И. Крыловым:

Таких примеров много в мире:  
Не любит узнавать никто себя в сатире.

Антагонисты критиков упорно поработали, чтобы опорочить их деятельность. «А судьи кто?» – задаются вопросом уязвлённые недоброжелательными отзывами писатели. И сами же отвечают: «Если ты умеешь складывать стихи – ты поэт, если не умеешь – прозаик. А если не умеешь ни того ни другого – критик». Параллельно появляется и критика критиков (о пародийных рекомендациях и руководствах уже упоминалось), иногда вполне эквивалентная. Англичанин У. Лендор критику:

В статье не убедил ты нас опять,  
Как надо литератору писать.  
Но как не надо, критик дорогой,  
Ты убеждаешь каждую строкой.

Эта эпиграмма была написана в XIX веке; то, что положение не изменилось, подтверждает мнение А. Безыменского о критической статье в «Литературной газете» З. Кедринной:

Читали мы сквозь смех и слёзы  
Статью о серости литературной прозы.  
По чести, полагалось бы при ней  
Статья о серости критических статей.

После таких негативных мнений сатириков что же ещё остаётся сказать о рецензентах? Конечно, можно процитировать и другие высказывания об их работе. Положительных мало. Почти классической стала характеристика деятельности К. Чуковского как критика, сформулированная С. Маршаком в послании к его 70-летию:

И вдруг явился молодой,  
Веселый, буйный, дерзкий критик,  
Не прогрессивный паралистик,  
Что душит грудую цитат,  
Загромождающих трактат,  
Не плоских истин проповедник,  
А умный, острый собеседник,

Который, книгу разобрав,  
Подчас бывает и неправ,  
Зато высказывает мысли,  
Что не засохли, не прокисли.

Лукавый, ласковый и злой,  
Одних колол ты похвалой,  
Другим готовил хлесткой бранью  
Дорогу к новому изданию.

Дополняет этот энергичный образ думающего критика и две строки В. Левика, также высоко оценившего работу Чуковского:

Ваш острый ум, лукавый взгляд,  
Слегка опасной речи яд...

Но и этим великолепным характеристикам приходится уживаться с ехидными замечаниями.

Саша Чёрный о Чуковском:

То выедет на английской цитате,  
То с реверансом автору даст в бок...

Узость взглядов, шаблонность мышления, унылое однообразие стилей отдельных критиков иногда начинают распространяться на весь корпус рецензентов. Э. Кроткий о таких представителях писал в эпиграмме с заголовком «Нет, не Белинский!»:

Судья писательских успехов,  
Он в продолженье долгих лет  
Писал о каждом: «Нет, не Чехов» –  
И... приобрёл авторитет.

Имя Белинского не раз возникает при упоминании о рецензиях. Чаще всего его ставят в пример нынешним критикам.

В. Гранов:

Перестраховщик-критик! Наш совет учти:  
Нет у тебя размаха исполинского.  
Но если пишешь ты с оглядкой статьи,  
То лучше их пиши с оглядкой... на Белинского.

Писать с оглядкой критикам приходится почти постоянно: что подумает этот, что скажет тот, как воспримет ещё кто-то... Каково бывает рецензентам, стоящим на распутье и не знающим завтрашних перспектив? Тогда остаётся лишь одно: заняться литературными гаданиями, о чём писал С. Швецов:

Два критика под Новый год  
Гадали на кофейной гуще:  
– Кто будет автором «ведущим»?  
И кто совсем на нет сойдёт?..

Положение рецензентов действительно непростое. Сплошь и рядом возникает проблема: написать надо, а писать не о чем.

А. Бобров (перевод с литовского из Ю. Непрошюса):

Хорошо, что пишешь повести,  
Мненья слушаешь охотно.  
Вот моё: ведутся поиски,  
Но хотя б одна находка...

С. Смирнов «Одному поэту»:

Прочёл продукцию твою,  
Чтоб не считаться неучем:  
И – горьких слов не утаю –  
Увы, писать-то не о чем!

Однако писать надо: ведь есть издания, специализирующиеся на литературной тематике, и там без рецензий нельзя никак. О практике рецензирования в «Литературной газете» 50-х годов писал З. Паперный:

Там чудеса! Там критик бродит,  
Плюсы и минусы выводит,  
То перескажет с одобреньем,  
То вдруг смешает с удобреньем...

К этому же времени относится мнение С. Смирнова о критике Е. Осетрове:

Он критик – щедрая рука.  
В руке Добро и Зло – по дозам:  
То даст вам лавры на века,  
А то – смешает с литнавозом.

Такого рода рецензии, часто взаимоисключающего содержания, порой появляются в периодике. Объясняется их публикация заранее заданным направлением отзыва: хвалить (большой палец вверх) или топтать (большой палец вниз). Есть рецензенты, принципиально не принимающие даже намёков на такие заказы, а есть такие, что без предварительных указаний и приступить к статье не могут. З. Паперный писал:

Заданную критику я сравнил бы с трамваем – свернуть с проложенной стальной колеи для неё равносильно крушению. «Троллейбусный» тип может более свободно отклоняться вправо-влево, но электродуга жёстко ограничивает его движение в нужном направлении. Но до «автобуса» ему далеко. Впрочем, и автобус следует по заранее составленному маршруту.

Здесь приведены обстоятельства, когда рецензент работает в прописанных рамках или по конкретному заданию, но бывают случаи необъяснимой инициативы критиков, когда их ведёт в неведомую даль неожиданно пробудившаяся фантазия... Такой эпизод описан в одной из пародий Н. Богословского. В кинорецензии на только что просмотренный фильм критик, едва не захлёбываясь от восторга, описывает новаторские приёмы создателей картины (смещение титров, повторение кадров, перебивку хронологии и проч.). Во всём он видит глубинный смысл, логически и психологически обосновывает сумбурную подачу эпизодов и делает вывод о фильме как о выдающемся событии в киноискусстве. Ситуация проясняется в следующем за рецензией «Приказе

директора кинотеатра», в котором объявляется строгий выговор кино-механику, в нетрезвом состоянии перепутавшим части картины, нарушившим их последовательность.

В пародии показана та разновидность критиков, которые, не разбираясь в сути происходящего, на основе поверхностного восприятия, готовы оправдать, а то и превознести любые несурзаицы рассматриваемого произведения. Сродни таким фантазирующим рецензентам и те критики, что, собираясь написать отзыв о произведении, меньше всего думают о нём, а более о том, как бы продемонстрировать себя самого: своё (иногда экстравагантное) мнение, свой стиль, свои познания. Тогда рецензия становится поучающей: критику неинтересно, что есть, он увлечён тем, что, по его мнению, могло (и должно) быть. Он предполагает развитие событий, о которых автор и не думал вовсе, начинает глубоко разрабатывать предысторию, находя в ней какие-то уже использованные ранее мотивы (известные только ему), обвиняя автора во вторичности. Доказательства особенные тут не нужны, достаточно голословных (и не всегда логически связанных) намёков. Вот как такой рецензент может представить автора. С. Швецов:

У него свой голос, своё лицо,  
Хоть есть подражания и отголоски:  
На него повлияли Гюго, Кольцов,  
А также Киплинг и Долматовский...

Не важно, что автор, возможно, никогда не читал Киплинга и не вдавался в особенности творчества Гюго, а поэзию Долматовского на дух не переносит. Важно сказать своё и по-своему. Причём это «своё» часто произносится так, чтобы всем стало понятно, что сказано оно не элементарно и не примитивно, а вполне на научном уровне, как в «спецовской» пародии Л. Никулина на оперетту «Ночь любви»:

Зрелищное преломление событий нашего дня адекватно квинтэссенции сущности искусства как такового, самодеятельность масс сказывается здесь не в чисто формальном подходе к классовому стимулу, а в индивидуалистическом аспекте данного автора.

Подводя итог разнообразным характеристикам рецензентам, можно упомянуть о цикле пародий А. Измайлова «История русской критики» в знаменитой книге начала XX века «Кривое зеркало». Пародист дал замечательный обзор критических статей как по их тону, так и по принадлежности к отдельным представителям критического цеха. Он пристрастно препарировал стилистику критических выступлений: высокомерную снисходительность («здесь вы увидите удивительную наивность и ограниченность Гончарова и полное непонимание им самых элементарных законов творчества» – А. Скабичевский), издевательство над писателем («дайте мне этого сукина сына, я ему вышибу три ребра!.. Поганое ведро – лучшее назначение этой мазни...» – Н.Россовский), издевательство над читателем («дело критики – открывать завесы с того, что ещё не видишь ты, любезный читатель, в своей ограниченности и тупости» – А. Введенский), любованием собственным стилем и слогом в ущерб смыслу («растрёпанный клубок гениальной мысли Достоевского катится в каком-то сладостно-жестокое бушевание по этой вихревой линии человеческих страстей» – А. Волынский) и т. д.

Наряду с положительными и отрицательными рецензиями нередко попадаются рецензии нейтральные, с точно выверенными дозами «да» и «нет». Но и на этом не заканчиваются их видовые деления, бывают разновидности и любопытные и неожиданные.

Те, кто следят за движением критической мысли, наверное, вынуждены будут согласиться, что в последнее (уже продолжительное) время однополярно негативных рецензий не стало, да и вообще отрицательные мотивы отзывов потускнели. Не так было в 20–30-е годы прошлого века: критики пытались дотошно разобраться в достоинствах и недостатках произведений и не стеснялись быть откровенно тенденциозными – накладывали отпечатки и политические условия и клановая принадлежность авторов к разным литературным группировкам и тенденциозные уклоны изданий, печатавших отзывы.

На первом месте держались рецензии положительные. Если появлялось произведение, заслуживающее внимания, его хвалили и захваливали с разнообразных позиций. Читатели, впрочем, не очень доверяли таким «розовым» отзывам и с некоторым сомнением относились к объективности их авторов.

С. Швецов «Критик-херувим»:

Над нами он парит как голубок.  
Все авторы ему милы и любы.  
К нему попасть не страшно на зубок,  
Поскольку все его статьи беззубы.

Зачастую благожелательный отзыв оборачивался обычной неискренностью критиков: нужно было написать со знаком плюс и появлялась хорошая рецензия.

З. Паперный, Н. Разговоров:

Допустим, пьеса ни на грош,  
Пишу, что замысел хорош...

Конечно, критики, создавая положительную рецензию, понимали всю неоднозначность её восприятия, потому не забывали плюсы разбавлять минусами, но так, чтобы общая тенденция оставалась положительной. Типичный пример такого отзыва приведен в «Образце благожелательной рецензии» С. Швецова:

В этих – незрелых ещё пока,  
Довольно пустых и не в меру бойких,  
Местами просто безвкусных стихах  
Говорится о пафосе нашей стройки...

...Правда, в стихах его пресных и мелких,  
Шаблонов и штампов большие излишки,  
Но эти частичные недоделки  
Не снимают общей ценности книжки...

Но случались похвалы в противовес общепринятому (или навязываемому) мнению. Вл. Соловьёв отметил, можно сказать, нежной рецензией «Песни из “Уголка”» К. Случевского:

Дарит меня двойной отрадой  
Твоих стихов вечерний свет:

И мысли ясною прохладой,  
И тем, чему названья нет...

Особенно важно, что такой отзыв прозвучал в период, когда авторитет поэта как представителя «чистого искусства» был подорван потоком во многом несправедливых пародий «искровцев» Д. Минаева, Н. Ломана, Н. Добролюбова...

Положительная критика, к которой сегодня уже приучили авторов, бывает подчас такой приторной, что автоматически вызывает сомнения; уже и сами писатели не верят восхищённым заявлениям. А. Раскин:

Всю жизнь хвалил стихи одни,  
Всю жизнь любил стихи другие.

Неверие хвалебным отзывам высказал Саша Чёрный в цикле «Литературная критика»:

Когда он меня обругал,  
Я справился с этим прекрасно.  
Теперь он меня увенчал –  
И это, пожалуй, опасно.

Венки из его мастерской  
У глупых в таком предпочтении,  
Что новый подарок такой –  
И мне уж не будет спасенья.

Ещё раньше, в середине XIX века, Н. Щербина в «Молитве современных русских писателей» заклинал:

Избави нас от похвалы  
Позорной «Северной пчелы»...

Дело в том, что «Северная пчела» считалась газетой реакционной, связанной с III отделением, рупором правительственного официоза. Щербина в своей эпиграмме пытался максимально дистанцироваться от её страниц, но Д. Минаев не позволил ему это сделать, приравняв его сборник «Пчела» к творчеству Ф. Булгарина – редактора «Северной пчелы»:

Поэт! К единственной я склонен похвале:  
Пчела Булгарина сродни твоей «Пчеле».

Но, пожалуй, самый ранний отзыв о неприятии похвалы от неискусных зоилов дошёл до нас в эпиграмме неизвестного автора, сочинённой ещё в 1792 году:

Желаю лучше я снести твою хулу,  
Чем слушать от тебя, Зоиле, похвалу.

Положительные отзывы не очень-то любили писать и сами рецензенты – мало ли что в жизни могло случиться: сегодня писатель на коне, а завтра его судьба может резко измениться, и тогда автору хвалебной статьи придётся оправдываться или того хуже. Поэтому (конечно,

и не только поэтому) рецензенты с успехом освоили стиль рецензии нейтральной. Такая позиция оказалась довольно популярной, о чём свидетельствуют многие миниатюры сатириков.

А. Безыменский:

В его статьях улыбочатая гладь.  
Он спорить не привык. Он мыслит осторожно.  
За что он борется? Никак нельзя понять,  
А с кем он борется? Почуять невозможно.  
Он пишет, не сказав, по сути, ничего  
И точкой зрения себя не озаботив.  
Вот почему зовут его  
Ниданинет Низанипротив.

З. Паперный, Н. Разговоров:

Умею так подать совет,  
Чтоб ни сказать, ни да, ни нет.

С. Швецов на К. Зелинского:

Он никогда не скажет «да»  
И никогда не скажет «нет»,  
И тем на долгие года  
Свой сохранит авторитет.

В. Масс, М. Червинский:

Чтоб избежать раздоров, он обычно  
Всех критикует мягко и тактично.

С. Швецов «Критик, приятный во всех отношениях»:

Его статьи не вызывают споров,  
Все признают за ним авторитет  
В писании критических обзоров  
По принципу «ни да, ни нет».

Такая промежуточная позиция мало кого устраивает. Её связывают не только с осторожностью критиков, но и с политиканством пытающихся усидеть между двух стульев. Правда, есть и другой вариант, когда особенно ушлые критики пытаются усидеть одновременно на двух стульях. Арго в миниатюре «Двурушник» описал поведение такого критика, давшего одновременно в два разных журнала противоположные отзывы на одну поэму:

Какой его толкнул на это бес,  
Не знаю, но в одном её смешал он с грязью,  
В другом вознёс до самых до небес.

«Четверорук он, двухголов» – так Арго охарактеризовал этого рецензента, присовокупив мораль, позаимствованную у И. Крылова: «Избави бог и нас от этаких судей».

Чтобы максимально обострить проблему «совмещения» отрицательной и положительной рецензии Н. Богословский придумал

оригинальный выход из положения. Он предложил рецензию на одно из драматургических произведений, прочитываемую и так и эдак\*. Если есть желание ознакомиться с положительным мнением, надо читать всю рецензию, если с отрицательным – то читать через строчку: 1, 3, 5, минуя 2, 4, 6...

Понятно, что противоположные мнения «в одном флаконе» не могут с восторгом встречаться дотошными читателями, поэтому некоторые рецензенты попросту «затемняют» свою точку зрения, делая её максимально неопределённой. О критиках В. Перцове и К. Зелинском М. Светлов говорил: «Когда я их читаю, никак не могу понять, стоит ли мне читать книги, о которых они пишут. Всё равно что по котлете пытаться представить себе, как выглядела живая корова, из которой эта котлета сделана».

Неспособность ясно и понятно оценить явление искусства приводит к странным рецензиям, сбивающим с толку. Об этом говорится, например, в пародии А. Флита на критика А. Горелова, взявшегося оценить повесть М. Зощенко «Возвращённая молодость»: «Будучи крайне неудачной, выхолощенной, предвзятой и надуманной, повесть Зощенко является большой и волнующей победой писателя».

Почти о том же писал в «Рецензии перестраховщика» В. Ардов:

Сегодня мы слушали певца, о котором можно сказать, что он принадлежит к числу лучших исполнителей вокального жанра в нашей стране, но, к сожалению, занимает среди этой славной когорты одно из последних мест. У нашего артиста – прекрасный голос, которым он – увы! – плохо владеет.

Насколько возможны противоречивые отзывы об одном и том же творческом явлении, можно судить по оригинальной пародии Б. Зубкова на... таблицу умножения. В ней «произведение» оценивается с двух противоречащих друг другу позиций. Если в положительной рецензии говорится о «разворачивании повествования со всё возрастающей напряжённостью», а «каждая строка нам открывает что-то новое», то в отрицательной всё наоборот: «унылый текст, начисто лишённый выразительности», а само «произведение состряпано из азбучных истин».

Нередко критик занимает якобы принципиальную позицию, но сегодня – одну, а завтра – противоположную. С. Швецов называл таких «флюгерами»:

Вчера он пел сплошную аллилуйю,  
А нынче кроет всех напрапалую!

В. Фёдоров обозвал аналогичного критика «Зуботычкиным»:

Сначала изувечит,  
Потом увековечит.

Ю. Благов писал о «Двух профилях одного критика»:

Нам с давних пор до удивленья  
Знаком его репертуар:  
а) Блеск! Новаторство! Явленье!  
б) Бред! Ничтожество! Кошмар!

\* Н. Богословский. Музей муз. М., Искусство. 1968. С. 42.

С меняющимися оценками критиков согласуется шаткая политика редакционных коллегий некоторых периодических изданий. А. Архангельский в фельетоне «Распространённый вид рецензии» приводит самокритичные признания редактора без какой-либо доли смущения. Начинает он так: «Творчество Алексея Приходько, недооценённое нами в нашей майской статье и переоценённое в июльской статье этого же года, можно разделить на ряд этапов и периодов». Заканчивает следующим образом: «В нынешний период поэт ещё живёт и работает. Вот почему мы не можем окончательно оценить и подытожить этапы и периоды его творчества».

Но и при таких условиях находятся критики, пытающиеся нащупать золотую середину. В. Масс, М. Червинский:

В боях литературных закалён,  
Он резких выражений избегает.  
Ругает так, как будто хвалит он,  
А хвалит так, как будто бы ругает.

Интересно, что эти авторы почти один к одному повторили вывод эпиграммы А. Дельвига на рецензию поэмы А. Пушкина «Руслан и Людмила»:

Хоть над поэмою и долго ты корпишь,  
Красот ей не придашь и не умалишь! –  
Браня – всем кажется, ею ты хвалишь;  
Хваля – её бранишь.

Есть и другая категория пишущих рецензии – выжидающая: они не спешат с оценками, высказывают своё мнение уже после того, как выяснится мнение общественное.

Я. Костюковский на критика А. Макарова:

Пока не соберёт всех мнений, –  
Своих не выскажет – о, нет! –  
Ума холодных наблюдений  
И сердца горестных замет.

Без цитат, попроще и подходчивей ту же мысль высказал А. Раскин:

То доругиваешь... третьим,  
То дохваливаешь... пятым.

Существует среди разных видов критики и не совсем обычный – умалчивание. Писатель работает, его произведения печатают, читатели им интересуются, а критика его не замечает. Это не какой-то новый приём: в 1730 году появилась эпиграмма В. Тредиаковского к неуважаемому критику. Неуважение поэта было подчёркнуто разностью используемых шрифтов: «вас» и «братец» были набраны мелкими буквами:

Много на многи книги вас, братец, бывало,  
А на эту неужли вас таки не стало?

Во многих случаях, перефразируя Пушкина, можно сказать: «Уж старость близится, а критики всё нет». Своими словами эту жалобу выразил А. Флит:

Вздохнул писатель: «Вот уж я и сед...  
А отзыва, а критики – всё нет!»

Парадокс заключается и в том, что зачастую молчание критиков сопровождает произведения, пользующиеся большим успехом у читателей. Б. Тимофеев о творчестве Л. Пантелеева:

Ребята в нём души не чают,  
А критики – не замечают.

К таким рецензентам с негодованием обращался А. Безыменский:

К вам счёт поэтов издавна велик.  
Вы казнь придумали для многих сотен книг.  
Из года в год с великим прилежаньем  
Жестоко вы казните их... молчаньем!

Рассматривать такие отношения к публикациям можно с двух точек зрения. Во-первых, их можно воспринимать как некий заговор по поводу чем-то не потрафившего литератора. И тогда молчание прочитывается как некая отместка. Можно объяснить умалчивание как выжидательную позицию по отношению к произведению спорному, ещё не получившему определённую оценку свыше. Критик боится попасть впросак, если его мнение вдруг окажется «против ветра». В. Суслов:

Шагает критик, думает в пути:  
Кого бы мне сторонкой обойти.

Неизвестно, впрочем, что лучше: упорное замалчивание или поток негатива. В 30-е годы встретить ругательный отзыв о книге было обычным делом, он мог звучать примерно так: «роман является субъективно-объективно-клеветнической вещью». Такие характеристики граничили с доносом.

С. Швецов «Образец зубодробительной рецензии»:

Роман под названием «На лезвие меча»  
Безнадёжно бездарен и на редкость халтурен.  
Подобной гадости я ещё не встречал  
Во всей мировой литературе.  
Гнусная, отвратительная амурная возня,  
Пропитан пошлятиной каждый атом...  
Несомненно, вся эта густопсовая размазня  
Напачкана кастрированным дегенератом...

«Образец неблагожелательной рецензии» того же Швецова почти не отличается от предыдущего отзыва:

Книга враждебна со всех сторон.  
Автор из лагеря явно не нашего, –  
Жалкий последыш и эпигон  
Поль де Кока, Баркова и Арцыбашева!

Повседневная работа критиков, считавших своим долгом тиражирование категоричных приговоров, не могла не напоминать деятельность судебных органов.

С. Швецов:

Он путь держал в прокуратуру,  
Да вдруг забрёл в литературу  
И здесь, приняв суровый вид,  
Всех «обличает» и «клеямит».

Разносная критика часто бывала самоцелью: подвергались поруганию и те произведения, что этого не заслуживали. То ли была дана команда, то ли автор был чересчур оригинален – критика находила повод уязвить и его и его творения. О таких критиках упоминал немецкий сатирик Р. Демель:

Подобен дятлу он в литературе,  
По праву безошибочным слывя:  
Могучий дуб не убоится бури,  
Но дятел в нём всегда найдёт червя!

О жестоких проработках рапповцев 30-х годов писали А. Архангельский и М. Пустынин в стихотворном романе «Евгений Онегин в Москве»:

Там восседал свирепый критик,  
Ортодоксальный ортодокс,  
Стихов и прозы аналитик,  
В работе применявший бокс.  
Его критической оглоблей  
Был не один поэт угроблен.  
Увы, и прозы мастера  
Не знали от него добра.

Но и в последующие за 30-ми годами периоды положение с критикой не очень сильно изменилось. Как писали З. Паперный и Н. Разговоров:

И я рецензии пишу,  
Рублю, ломаю и крушу.

Сатирики (в какой-то степени тоже рецензенты и критики) по большей части не разделяли категорических позиций пишущих разносные отзывы. Они подсмеивались над такими авторами, зачастую ставя их в дурацкое положение. С. Лившин в пародии «Как писать рецензии» воспроизвёл отзыв критика, не читавшего Н. Гоголя, но взявшегося оценить его произведения. Найдя в них кучу недостатков и несуразностей, он завершил свою заметку категорическим выводом-советом: «Полагаю, всего сказанного достаточно, чтобы смело признаться: автору рано приобщаться к миру большой литературы».

Подобные наскоки были вполне в духе и дореволюционной критики. Ф. Благов в эпиграмме, посвящённой В. Буренину, от его имени писал:

Кто мог бы в юбилей честь мой,  
Как много вылил я помой.

А критик и пародист начала XX века А. Измайлов писал в критическом шарже «Пятна на солнце» об одной из статей, «в которой,

по заведённому у нас обыкновению, критик перекусывал пополам своего сослуживца по литературному ведомству, пуская в ход весь арсенал ядовитых слов». Так что грубость, граничащая с оскорблением, была долгое время одним из компонентов рецензии и считалась чем-то близким к порядку вещей.

Любые сторонние отзывы, неблагоприятно оценивающие произведения авторов, вызывали у них понятное недовольство. В одном из стихотворений Т. Бек предупреждала потенциального критика:

Я не дам себя в обиду.  
Грозная, большая с виду,  
Я ему отвечу так:  
– Ненавижу, сам дурак!

Противостояние авторов и критиков – явление постоянное. Ещё А. Пушкин, недовольный статьёй о его стихах, ответил критику грубо и энергично:

Охотник до журнальной драки,  
Сей усыпительный зоил  
Разводит опиум чернил  
Слюною бешеной собаки.

Примеров подобного противостояния достаточно много, можно ограничиться двумя вполне типичными историями, приключившимися давненько. По случаю критических заметок В. Тана, в которых критик обругал А. Вербицкую, вышла у автора и критика некоторая скандальная полемика. Е. Венский в сборнике «Моё копыто» ответил на неё так:

Ай, меня обидели! Ох, уж этот Тан!  
Критик полуграмотный, критик шарлатан!  
Он меня, Вербицкую, даже не читал,  
И статью мужицкую настрочил нахал...

Примерно в это же время появилась эпиграмма оскорблённого А. Рославлева на К. Чуковского-критика:

«Дерзай, пока не бьют!» – таков его девиз.  
Он шулер в критике, а в жизни – жополиз.

Предыстория эпиграммы такова. К. Чуковский, считавший творчество Рославлева «третьим сортом», написал об одном его издании: «Книжка производит впечатление приятной ненужности». Натянутые отношения вылились в оскорбительную эпиграмму. Обиду поглаженных против шерсти авторов понять можно, но гораздо продуктивнее выглядит позиция писателей, терпимо относящихся к негативной критике. Н. Гоголь, соглашаясь с насмешками (справедливыми и несправедливыми), писал: «О, как нужны беспрестанные щелчки, и этот оскорбительный тон, и эти едкие, проникающие насквозь насмешки».

Несмотря на порой драматические последствия критических наскоков, всё же до сих пор не изжито желание пишущих и печатающихся узнать, как воспринимаются их произведения со стороны (присутствует интерес и читательской массы). Замалчивание их не устраивает ни в коей мере, поэтому не стоит удивляться, когда порой на отзыв рецензента

писатели напрашиваются сами. Известно мнение Е. Евтушенко, высказываемое им неоднократно: пишите обо мне, ругайте меня, но не молчите. Этот призыв поэта С. Смирнов несколько коряво оформил в виде пародии «Моим последователям»:

Не топчись на месте –  
Добейся, чтоб тебя ругнули в прессе.  
Нелестный отзыв – не Доска почёта,  
Но сразу  
Популярности  
До чёрта!

Евтушенко связывал любую критику с рекламой и поэта, и его произведений. Его взгляды разделяли многие; поэт В. Юрочко призывал сатирическую братию:

Критикуйте, критики, меня,  
Упражняйтесь, братцы-пародисты...

Приглашение к критике звучало и по не столь меркантильным соображениям. Г. Ладонщиков указывал на желание быть раскритикованным по совсем другим причинам:

Быть похвалённым  
Я не стремлюсь.  
Похвалы я стыжусь и боюсь.  
Если хвалят меня, замечаю:  
Это многих людей огорчает.  
Если же критикуют меня –  
Огорчаюсь один только я,  
А другие сияют, ликуют...  
Я за радость!  
Пускай критикуют.

Равнодушие некоторых авторов к оценкам критиков объясняется во многом их знанием собственной цены и цены критическим заключением. Пользуясь большой популярностью у читателей, они не обращают внимания на придирки профессионалов. Д. Харингтон:

Мои творенья хвалят книгочеи,  
А вот иные рыцари пера  
Поносят их. Но на пиру важнее,  
Что скажут гости, а не повара.

Востребованная насущной литературной необходимостью, рецензия неизменно выполняла свои функции в течение столетий. Нет сомнений, что и сегодня она преодолит наметившийся застой и выйдет на новые рубежи контактов со всеми заинтересованными лицами. Несмотря на проблемные моменты, связанные с её восприятием (она, как и пчела, несёт в себе и яд и мёд), нет сомнений, что она нужна и читающим и пишущим.